

СНОВА ОБВИНЯЕТ МУЖЧИН

Самое поразительное театральное событие этого лета — моноспектакль по роману Толстого “Анна Каренина”. Его привезла к нам Евгения Симонова, известная по фильмам “Афоня”, “Обыкновенное чудо”... Спектакль поставил ее муж, режиссер Андрей Эшпай. Один восхищенный зритель признал: актриса заставила его по-новому увидеть женский мир, всерьез прислушаться к “женской” теме... Жаль, что на этих спектаклях в Русском театре драмы побывало не так много мужчин.

Очень странный спектакль. Прозу Толстого вряд ли возможно поставить на сцене без того, чтобы сильно не обеднить великого графа. Особенно после того, как нас годами кормили мыльными пузырями. И уж совсем — как вызов нашей эпохе: проходит десять, пятнадцать минут, а никого еще не убили, не “кинули”... Становится ясно, что ничего такого не предвидится. Более того, на сцене так и будет одна только Анна Каренина. Никакого тебе Вронского, даже в виде тени... В сомнамбулическом ритме кружится на сцене какая-то штука, слегка напоминающая карусель. Гипнотически играет свет, бездна драпировок и ширм. Да и сама героиня сначала движется как во сне, словно из других измерений извлекает то куклу, то детскую коляску, то корзину — и все это не так чтобы очень обязательно...

Но вот глаза пресытились, и мы начинаем слушать. И что же

слышим? Обрывки мыслей... Если бы речь не шла о знаменитом “треугольнике”, о супружеской измене, прославленной на весь мир, — мы бы не поняли ничего. Муж и любовник путаются для нас, не всегда ясно, о ком из них говорит в данный момент Анна. А может, она говорит вообще об одном Мужчине, мужчине как таковом, создании слишком топорном, чтобы прикоснуться к женской душе...

Все же логика тут есть. Но та самая женская логика, которая вызывает такое раздражение отсутствием видимых связей. Нить слишком ассоциативна, прихотлива, эмоциональна, реальные факты идут наравне с вымышленными. Мысли и предположения строятся даже не на чувствах. Анна без конца взвешивает нечто такое, что ни один мужчина не способен ощутить. Ну, вроде извечного женского: “Он не так посмотрел”. Он не так посмотрел — и так далее, и так далее, вплоть до конца света.

Женский вздор, выносить который так трудно. Послушав такое пять минут у себя на кухне, мужчины уходят и напиваются. Или пытаются заставить женщину замолчать. Вот и во время спектакля двое-трое зрителей покидают зал, который наполнен до отказа второй вечер подряд. Двое-трое уходят, но остальные ждут.

И еще эта странная интонация. Ну, была бы перед нами женщина, дошедшая до предела, как и полагается по роману, рвала бы на себе рубашку... Тогда бы стало ясно, что удерживает

нас в зале. Но Анна в исполнении Евгении Симоновой словно бы впадала в детство. Не кипит, а вроде как лепечет и заговаривается. “В его нежности появилась уверенность, чувство собственника”, — жалуется Анна. Чего бы тут жаловаться, главное, нежность все же на месте. Нюанс совсем несомненный, да еще с интонацией маленькой девочки.

Прошел почти час — а нас все еще не впустили в действие, мы все еще толкаемся у вокзала. Мы не в силах понять такую отстраненную Анну, ощутить к ней сочувствие. А между тем, одно великое открытие мы уже сделали. Похоже, из всех писателей реально отразить женщину сумел лишь Толстой. Остальные мужчины-писатели подставляют ей свою психологию. Что же остается, читать женскую прозу?! Но она слишком мелка. Чаще всего рукоделье, порой весьма изящное.

Вот и здесь сплошные кружева. Неужели так и останется? Когда же вступит сам граф? И вдруг, когда мы уже начинаем скучать, интонация Анны меняется. Она делается серьезной. Укол в самое сердце, тем более точный, что он такой неожиданный и нанесен голосом, который не стал громче. А какие страшные вещи она говорит! Это уже не нюансы. До сих пор Анна сидела в своей раковине, что мы так долго и наблюдали, а вот теперь выходит к нам — для того, чтобы вынести нам всем смертный приговор. Это больше, чем какой-то “треугольник”, чем адюльтер, которым в наше время никого не удивишь. В

момент “беспощадной ясности” Анна вдруг видит, как недолго мы, люди, способные любить друг друга. Единственное стойкое чувство, которое может испытывать человек к человеку, даже не равнодушие, а... ненависть. Вот так: наш мир стоит на ненависти. Болезнь, которой уже свыше пяти тысяч лет, а с ней до сих пор ничего не сделаешь.

— Нет, Анна не сумасбродка, — сказала после спектакля Евгения Симонова. — Думать, что она просто женщина, которая довела себя до крайности, значит ее недооценить. Анна — максималистка. Она не остановилась там, где другие, обычные женщины останавливаются. В “беспощадном свете” она проиграла для себя все варианты и поняла, что в любом из них счастье будет ущербным. И даже, как заметил, посмотрев спектакль, мой брат, она и в себе самой обнаружила недостаток любви, отсутствие Бога. И вот, осознав, что требования ее, увы, недостижимы на этой земле, Анна уходит...

Да, обычно наши женщины к абсолютному не стремятся. По счастью, они как-то мирятся и с вечным дефицитом любви, и с роковым непостоянством добра. Но они без конца нам об этом говорят. И похоже, это не “женские бредни”. Спектакль, который привезли нам москвичи, заставляет осознать: а ведь женщины и в самом деле говорят серьезные вещи! Они знают, что если этот

мир от чего-то погибает, так только от недостатка любви.

В этом новом прочтении классики Анна действительно “уходит”. Ни намек на грубую реальность, вроде паровоза. Героиня просто исчезает со сцены. Под трагичную музыку кружит, кружит странная штука типа “карусель”. И — все... Но остаются вопросы, заданные Анной. Остается в памяти фраза, которую сама Евгения Симонова считает совершенно гениальной: “Я ревную тебя не к другой женщине, а к уменьшению твоей любви”. Пожалуй, еще долго после спектакля не захочется смотреться в зеркало.

Г. КОНСТАНТИНОВ